

Н. Н. Лупарева

«ПЕРО ГЛИНКИ ПЕРВОЕ НА РУСИ НАЧАЛО ПЕРЕСТРЕЛИВАТЬСЯ С НЕПРИЯТЕЛЕМ»¹: «РУССКИЙ ВЕСТНИК» С. Н. ГЛИНКИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Статья посвящена истории издания журнала Сергея Николаевича Глинки «Русский вестник». Созданный под впечатлением надвигающейся большой войны с Наполеоном, он должен был, по мысли издателя, подготовить русское общество не только к военно-политической, но и к социокультурной борьбе с Францией. Так как Франция и французская культура, чрезвычайно популярная в России первой четверти XIX в., ассоциировались с революционными потрясениями, «Русский вестник» актуализировал основной круг вопросов, составивших основу русской консервативной идеологии. Журнал выступал за сохранение самодержавной власти и патриархальных социальных отношений, за укрепление позиций православия в жизни русского общества и развитие национальной культуры. Издатель считал необходимостью ориентацию на историческое прошлое России и создал на страницах журнала целую галерею портретов государственных, культурных и церковных деятелей русской истории, уделяя особое внимание образам русских монархов. Мифологизированная русская история должна была стать центральным звеном системы отечественного воспитания, программу которого Глинка пропагандировал на страницах «Русского вестника». Реализация этой системы должна была снять все имеющиеся в русском обществе противоречия и предотвратить развитие революционного процесса в Российской Империи. Историческое значение журнала С. Н. Глинки состояло в том, что он внес большой вклад в подготовку общественного мнения к Отечественной войне 1812 г. и одним из первых начал развивать идею самобытного, отличного от Запада пути развития России.

Ключевые слова: С. Н. Глинка, «Русский вестник», Отечественная война 1812 г., консерватизм, самодержавие, православие, патриархальные общественные отношения, национальная самобытность, отечественное воспитание.

Исторический момент такой важности, как Отечественная война 1812 г., безусловно, должен был отозваться в русской общественно-политической мысли. В советской историографии наибольшее внимание уделялось влиянию этого события на становление радикальной и либеральной мысли в их «декабристской» форме. Однако в той же степени, что и декабристы, говорить о себе как о «детях 1812 года» могли и русские консерваторы [Минаков, 2005, 7]. Именно необходимость противостояния Франции как в военной, так и в политической и культурно-бытовой сферах вдохновила А. С. Шишкова и Г. Р. Державина на учреждение «Беседы любителей русского слова», Ф. В. Ростопчина — на написание знаменитого памфлета «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», а Н. М. Карамзина — на создание «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении». Однако наиболее полно выразил идеи нарождающегося консервативного дискурса журнал Сергея Николаевича Глинки «Русский вестник».

Надежда Николаевна Лупарева — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (nadezhda.lupareva@yandex.ru).

¹ Цит. по: (Вяземский, 2004, 437–438).

Первый номер «Русского вестника» увидел свет в январе 1808 г. Его главной целью С. Н. Глинка положил «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе» с Францией (Глинка, 2004, 259). В журнале публиковались сочинения и письма уже упомянутых консервативных деятелей, а также А. А. Аракчеева, Е. Р. Дашковой и многих других авторов. Но все же основная часть статей «Русского вестника» принадлежала самому издателю.

Программу своего журнала Глинка изложил во вступлении к первому номеру: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество; на сем единодушном стремлении основано общее благо. <...> Русский вестник посвящается Русским» (Глинка, 1808b, 3, 9). Далее из текста следовало, что обращение «к отечественному» будет проходить в контексте противостояния идеологии Просвещения и революционной Франции: «Философы осьмагонадесять столетия... — писал Глинка, — все опровергали, обещивали беспредельное просвещение, неограниченную свободу... Мы видели, к чему привели... сии мечты воспаленного и тщеславного воображения! И так, замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и проч., мы будем прогивополагать им не вымыслы романтические, но нравы и добродетели праотцов наших» (Глинка, 1808b, 6).

«Русский вестник» очень быстро привлек внимание общественности, т. к. уже в третьем номере Глинка опубликовал статью, в которой Гильзитский мир был назван временным перемирием. В заключении статьи говорилось, что в случае военного конфликта с Францией Россия найдет в себе силы для отпора (Глинка, 1808i, 399–404). После непolitкорректной публикации на направление журнала самому Александру I пожаловался французский посланник А. де Коленкур. С. Н. Глинка «по политическим обстоятельствам» был уволен от московского театра, при котором состоял сочинителем и переводчиком (Глинка, 2004, 280), но запрета на издание журнала не последовало. Однако вплоть до 1812 г. «Русский вестник» оставался оппозиционным официальной правительственной линии, что опровергает точку зрения либеральных авторов и советских историков, обвинявших Глинку в «казенном патриотизме» и считавших его журнал официозным изданием.

Инцидент с жалобой заставил Глинку сосредоточиться на одной из главных задач своего журнала — критике Франции и французской культуры и галломании русского образованного общества. Франция и французская культура в глазах Глинки представляли источник деструктивных в общественно-политическом плане идей, поэтому галломания виделась ему орудием ведения «сокровенной войны» против России, которая действует на «душу» государства и гораздо опаснее, чем война «явная», действующая только на государственное «тело» (Глинка, 1808l, 62). Особые инвективы Глинки вызывало наследие французских просветителей — Вольтера, Д'Аламбера, Дидро и мн. др., — которых Глинка именовал не иначе как «лжеумствователи осьмагонадесять столетия». Именно их рационалистическую, индивидуалистическую философию, нашедшую отражение в знаменитой формуле «Свобода. Равенство. Братство», он считал повинной в кошмарах Французской революции, закончившейся падением легального порядка, царевубийством и злодеяниями якобинской диктатуры: «Скопища разбойников, изверженных адом, наполнили Францию ужасами, каких никогда не было под солнцем. В зверском неистовстве вооружились они на сограждан, на ближних; расстреливали, топили, казнили, мучили лютыми пытками и тысячами отправляли в ссылку» (Глинка, 1812d, № 5, 29–30). Соответственно, чтение произведений французских просветителей, чрезвычайно популярных среди русского дворянства, с точки зрения Глинки могло сеять семена революционности на отечественной почве.

Не менее опасна с этой точки зрения была работа французских гувернеров, способных распространять «тлетворные» идеи, да и просто подрывать чувство национальной гордости в своих воспитанниках: «Что проповедывают нам иноземные учителя? (я не говорю о всех: нет правила без исключения). Сперва станут они уверять питомца своего, что он ошибкою родился на Руси; что природа сама не знала

для чего напустила на Север такие стужи и непогоды; что родина его сотворена только для медведей, и что все его соотчичи невежды, дикари; словом, не люди. Потом, следуя похвальным правилам новой философии, исподволь и ухитряясь, так очистят ум от предрассудков, что в нем... чуть ли и названия останутся о Вере, нравах и добродетелях...» (Глинка, 1808g, 256–258).

Большое количество материалов «Русского вестника» затрагивало проблему нравственной, экономической и социальной деградации российского общества, вызванной засильем иностранного воспитания. Поверхностность, пустота «модного воспитания», его ориентация на внешний эффект утвердили в русском обществе ранее неизвестные понятия и явления — «бон-тон», «бомонд», «любезность», «мода» и «роскоши». Эти новые для России явления подобны «лютым и опасным язвам общественным», так как они подменили истинные нравственные ценности ложными, в результате чего человек начинал оцениваться не по собственным заслугам, а по стоимости одежды, экипажа (Глинка, 1808f, 334) и т. д.

С детства наученные считать качественной и престижной только иностранную продукцию, представители благородных сословий стали тратить невероятные суммы денег на иностранные «безделки» не только внутри страны, но и за ее пределами, проматывая целые «родовые и благоприобретенные поместья» (Глинка, 1811c, 123–124).

«Порабощенные» западноевропейской культурой и образом жизни, привилегированные слои объединились в «общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную» (Глинка, 1808h, 37–38), совершенно чуждую простонародью, все еще живущему в рамках национальных традиций и культуры (Глинка, 1812g, 96–97). Этот мировоззренческий конфликт, с точки зрения Глинки, был чреват возможностью социально-политических потрясений, ведь оказывалась нарушенной традиционная патриархальная связь между помещиками и крестьянами, которые теперь подвергались гнету со стороны своих хозяев. Ситуация еще более усугублялась французской военной угрозой.

Панацею от «тлетворного» влияния иностранной образованности Глинка увидел в «отечественном воспитании», программу которого подробно развил на страницах журнала. С организационной стороны «отечественное воспитание» предполагало: во-первых, исключительное внимание родителей к процессу обучения своих детей (Глинка, 1808e, 190); во-вторых, подготовку русских педагогических кадров, учреждения русских училищ и пансионатов, составления отечественных учебных пособий и преподавания на русском языке (Глинка, 1811c, 125–134).

Что же касается содержательной стороны образовательного процесса, то его стержнем должно было стать изучение русской истории как квинтэссенции национальной традиции, опыта предков (Глинка, 1808b, 4). Поэтому центральное место в материалах «Русского вестника» заняли статьи, посвященные русской истории.

«Бог. Вера. Отечество» — таковы были, по мнению издателя, основы праотеческой нравственности (Глинка, 1811d, 71), а вера — ее краеугольный камень. «Учиняющая всех чадами Отца небесного» (Глинка, 1812d, № 6, 86), вера, во-первых, уравнивала всех людей перед Богом, во-вторых, превращала русское общество в братский союз. Поэтому «старинных русских» никогда не возмущало существование социального неравенства, ибо они осознавали свою причастность к высшему «христианскому равенству». Существование сословной системы в российском государстве виделось им явлением таким же нормальным и необходимым, как различное положение членов в семье: «В Державе обширной и благоустроенной все то же, что и в тесном кругу семейства. Владыка есть отец-наставник, судия и распорядитель; подданные суть чада» (Глинка, 1815, 16–17). Эту иерархию они воспринимали лишь как частное проявление природного неравенства, установленного на земле Богом (Глинка, 1812d, № 6, 78). Поэтому русские люди всех сословий, как любящие и послушные дети, служили своим монархам-отцам. В свою очередь русские государи «могущества своего не отделяли

от счастья и великости своего народа», равно заботились обо всех сословиях (Глинка, 1808d, 267). Их отеческая опека над народом подавала пример нравственного взаимоотношения с подданными всем представителям высших сословий. Потому русские бояре и дворяне были любящими, милосердными отцами своим подчиненным (Глинка, 1808k, 365), они «учреждали общенародные празднества, угощения и сближались с простолюдинством, не умаляя ни сана, ни достоинства своего» (Глинка, 1808a, 130). В том числе «истинные русские помещики... были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались напечатлеть в сердцах детей своих, что *крестьяне суть такие же люди, как и они*» (Глинка, 1809, 208), а русские православные крестьяне в свою очередь всегда и во всем повиновались «Богу, Государю, помещикам, отцам и матерям», потому что «Бог велит повиноваться старшим» (Глинка, 1812e, 58). Таким образом, в концепции Глинки вера являлась основой гармоничного социального порядка праотеческой Руси.

Этот порядок воспроизводился благодаря тому, что вера составляла основу праотеческого воспитания, ибо оно базировалось на священных и духовных книгах (Глинка, 1811a, 22). Особое внимание Глинка придавал тому факту, что праотеческое воспитание было общенародным, т. е. одинаковым «для земледельцев от сохи, и бояр от теремов княжеских» (Глинка, 1812d, № 5, 48). В результате в старой России не существовало того культурного разрыва, который Глинка видел в настоящем, и «голос России для всех... был равно понятен» (Глинка, 1808c, 288).

Концепция русской истории, предложенная С. Н. Глинкой в «Русском вестнике», была сильно мифологизирована и идеализирована. Сам издатель, исходя из дидактического назначения истории, считал это вполне оправданным. При этом не стоит забывать, что исторические статьи Глинки базировались на обширной источниковой базе: в «Русском вестнике» были опубликованы рукопись о Задонском побоище, «Поучение детям» Владимира Мономаха, многочисленные документы эпохи Смуты и царствований первых Романовых² и др. Свообразным, не «ученым», но «нравственным» было авторское толкование этих материалов (Глинка, 1811b, № 4, 32–35).

Следующим обязательным условием «отечественного воспитания» было преподавание на русском языке, проблема, которая в начале XIX в. выходила за рамки чисто лингвистической [Альтшуллер, 2007, 26–50; Киселева, 1983, 18–29; Минаков, 2002, 18–19; Проскурин, 2000, 19]. Подобно А. С. Шишкову и его сторонникам, так называемым «архаистам», Глинка рассматривал язык как субстанцию, которая предопределяет мирозерцание человека. С этой точки зрения, в природе, строе и духе национального языка содержится освященный национальной историей и традицией комплекс нравственных устоев, который автоматически вместе с языком вливается в сознание носителя и приводит его к определенным мыслям и поступкам, соответствующим духу нации [Киселева, 1983, 24]. Таким образом, в критике карамзинистов — реформаторов русского языка в соответствии с некоторыми французскими языковыми нормами, речь шла не только о стремлении последних усвоить западную, прежде всего французскую, словесность, но и о неизбежно сопровождавшей этот процесс переориентации русского общества на французские культурно-поведенческие модели [Минаков, 2002a, 240], в том числе и политические, а следовательно — революционные. Глинка вел свою борьбу как мог: множество статей «Русского вестника» он посвятил разоблачению «бедности» французского языка в сравнении со смысловым богатством русского наречия. Вот пример одного из таких разоблачений: «Мы из двух или трех имен составляем одно, и тем самым не простое воспоминание вещи возбуждаем в памяти, но и образ ее представляется воображению: *сладогласный, самодержавный, великосердый, громоносный* и проч... Такого стихотворного соединения не терпит язык французский» (Глинка, 1808j, 66).

Важным элементом социальных отношений Глинка считал «благотворение». Его журнал сам являл наглядный пример деятельного вспомоществования ближним.

² См. роспись содержания номеров «Русского вестника» в: (Колупанов, 1889, 373–410).

В конце каждого номера помещалась информация о нуждающихся людях или семьях, и рассказы о помощи читателей журнала в ответ на такие объявления. Если верить «Запискам» С. Н. Глинки, благодаря многочисленным откликам читателей в период с 1808 по 1816 гг. через издание оказавшимся в затруднительном положении людям было направлено более 40 тысяч рублей (Глинка, 2004, 363).

Таким образом, консервативная программа «Русского вестника» имела яркую дидактическую направленность и представляла собой конструктивную альтернативу революционному преобразованию действительности. Представленная во всем комплексе статей журнала концепция Глинки была выведена в жизнеописаниях целого пантеона героев русской истории: князей Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, первых представителей династии Романовых Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, Петра Великого; иерархов Русской Православной Церкви — патриархов Гермогена и Филарета; воеводы, монаха и публициста Авраамия Палицына; бояр — Михаила Шеина, Федора Ртищева, Артамона Матвеева; дворян и полководцев — Прокопия Ляпунова, Петра Еропкина, Александра Суворова; русских государынь — Натальи Кирилловны, Екатерины Великой и многих-многих других. По мнению издателя, привлекательность их образов должна была побудить его современников подражать их добродетельности и служению на благо Отечества, что способствовало бы снятию всех социальных противоречий при сохранении существующего в стране политического устройства.

К чести Глинки надо сказать, что он не прекращал издание своего журнала даже и в военное время. И именно в 1812 году, по словам П. А. Вяземского, «Русский вестник» «облеся в плоть и кровь» (Вяземский, 2004, 440). В военное время Глинка уже не сдерживал своего натиска на «лживых и неверных» французов, которые обещали жить в мире, а сами «разбойнически ворвались в земли любезного нашего отечества» (Глинка, 1812f, 88). Издатель резко критиковал безнравственные захватнические амбиции французских войск, порожденные «зловредным духом» французской революции, который эти войска распространяют на побежденных территориях (Глинка, 1812a, 36–46). Глинка описывал коварство и жестокость французского правительства, с его точки зрения, намеренно не снабжавшего свои войска продовольствием, чтобы заставить их заниматься мародерством (Глинка, 1812a, 40–41). Для характеристики Наполеона издатель не жалел самых мрачных красок: он «неверный Гольяф», выступивший против «верного Давида» (Глинка, 1812i, 96–102); «лицемер», для которого сам Бог будет «карателем» (Глинка, 1812h, 89); «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны» (Глинка, 1812c, 16).

Очевидно, одной из своих задач в военное время Глинка считал предотвращение возможных крестьянских бунтов ввиду антикрестьянской пропаганды Наполеона. В пользу этого предположения говорит и обилие в номерах журнала за 1812 г. статей, призванных, с одной стороны, создать необходимый нравственный ориентир и образец для подражания крестьянству, а с другой — успокоить дворян, убедив их в верности крестьян престолу и Отечеству. Так, в статье «Крестьянский разговор» побывавший за границей крестьянин произносит следующую речь: «Хвали чужбину тот, кто ее не видал; а я видел, видел братцы! тамошнюю волю и вольность. Оборони нас Бог от той воли, от которой часто и кусить нечего... Не дети там подданные; гоняют их толпами Бог весть куда; выгоняют из родных пепелищ проливать кровь в дальних сторонах, за что и за кого, сами того не знают. Вот какова вольность иноземская! <...> А у нас в земле Русской все доброе для всех. Бережет нас ЦАРЬ-ГОСУДАРЬ, жалуют нас отцы-помещики; у нас все за всех и все для всех. Милосердие Божие живет над землею Русскою» (Глинка, 1812b, 67–68, 71–72). Наиболее полно образ крестьянина — героя и защитника Отечества и престола — был выведен Глинкой в статьях, посвященных подвигу Ивана Сусанина (Глинка, 1812d, № 5, 72–94). Причем, как убедительно доказали М. Велижев и М. Лавринович, именно Глинка на страницах своего журнала сформулировал сусанинский сюжет в том виде, в котором он вошел в официальную историографию царствования Николая I [Велижев, Лавринович, 2003].

Вообще, войну с французами С. Н. Глинка воспринимал как зло, но зло необходимое, которое может объединить все сословия русского общества перед лицом внешней угрозы. Поэтому в номерах журнала за 1812 г. он помещал материалы, призванные подчеркнуть долгожданное для него единение русского народа в общем патриотическом порыве. Знаменательно, что именно в 1812 г. на страницах «Русского вестника» появилась и обширная статья «Опыт о народном нравоучении» (Глинка, 1812d). В ней Глинка впервые в систематизированном виде изложил свою консервативную концепцию, в которой видное место отводилось русским героям — защитникам Отечества эпохи Смуты костромскому крестьянину Ивану Сусанину, нижегородскому купцу и старосте Кузьме Мину, князю Дмитрию Пожарскому.

В первые годы своего издания, то есть в 1808–1812 гг., «Русский вестник» пользовался несомненным успехом у читающей публики, количество его подписчиков достигало 800 человек — внушительной для той эпохи цифры [Лупарева, 2012, 104–105]. Однако реальное число читателей было, видимо, еще большим, ведь судя по подписным листам, «Русский вестник» читался в различных клубах и частных салонах. Среди именитых читателей журнала числились А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, И. И. Дмитриев, Д. П. Рунич, А. С. Хомяков, М. Т. Каченовский, тогда еще юный М. П. Погодин и др.

По окончании заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., в связи с изменением умонастроений русского общества, приведшим к возникновению декабризма, тираж «Русского вестника» начал неуклонно сокращаться. В 1820 г. Глинка сообщил о том, что прекращает издание журнала. В 1824 г. он предпринял попытку возобновления «Русского вестника», но журнал прекратился на девятой книжке.

Журнал С. Н. Глинка, безусловно, стал событием своей эпохи и вызвал широкий общественный резонанс. Консерваторы, по понятным причинам, одобритительно отзывались о журнале. Либеральная общественность критиковала, а иной раз и прямо высмеивала казавшийся ей излишне восторженным и наивным патриотизм «Русского вестника». Однако значение издания понимали и люди отнюдь не консервативных взглядов. Так, П. А. Вяземский писал: «По всей России, особенно в провинциях, читали его (Русский вестник. — *Н. Л.*) с жадностью и верою... Одно заглавие его было уже знамя. В то время властолюбие и победы Наполеона, постепенно поработая Европу, грозили независимости всех государств. Нужно было поддерживать и воспламенять дух народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестях предков, которые также сражались за честь и целость отечества... Перо Глинка первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем» (Вяземский, 2004, 437–438).

Однако не стоит ограничивать историческое значение «Русского вестника» мобилизационной ролью накануне войны и в страшный 1812 год. Уже некоторые современники сумели подметить в материалах журнала то, что во многом положило начало российскому консервативному и традиционалистскому дискурсу. Так, М. А. Дмитриев писал: «Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность появления Русского вестника. Теперь о нашей старине нам твердят беспрестанно, а тогда — многие в первый раз услышали из Русского вестника о царице Наталье Кирилловне, о боярине Матвееве, о Зотове, воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты» (Дмитриев, 1869, 104). Эти образы в сознании современников неразрывно связывались с самодержавной монархией как исторически русской формой политической жизни, патриархальностью общественных связей, освященных православной верой, то есть актуализировали основной круг тезисов, ставших центральными в дальнейшем развитии русской консервативной мысли и формировавших представление о России как об особом самобытном мире.

Источники и литература

Источники

1. Вяземский (2004) — *Вяземский П. А.* Сергей Николаевич Глинка // *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 435–446.
2. Глинка (1808a) — *Глинка С. Н.* Боярин Арт. Серг. Матвеев // *Русский вестник.* 1808. № 2. С. 121–145.
3. Глинка (1808b) — *Глинка С. Н.* Вступление // *Русский вестник.* 1808. № 1. С. 3–10.
4. Глинка (1808c) — *Глинка С. Н.* Замечания на слова одной французской принцессы // *Русский вестник.* 1808. № 6. С. 286–290.
5. Глинка (1808d) — *Глинка С. Н.* Император Александр I, любитель отечественной древности // *Русский вестник.* 1808. № 6. С. 261–267.
6. Глинка (1808e) — *Глинка С. Н.* Краткие выписки из «Кормчей книги» и замечания на оные // *Русский вестник.* 1808. № 8. С. 189–200.
7. Глинка (1808f) — *Глинка С. Н.* Кузнецкий мост, или Владычество моды и роскоши // *Русский вестник.* 1808. № 9. С. 331–360.
8. Глинка (1808g) — *Глинка С. Н.* Мысли про себя // *Русский вестник.* 1808. № 3. С. 250–264.
9. Глинка (1808h) — *Глинка С. Н.* Напоминание о Екатерине II // *Русский вестник.* 1808. № 4. С. 3–46.
10. Глинка (1808i) — *Глинка С. Н.* Некоторые замечания на некоторые статьи политического сочинения г. Шлецера под названием: «взор на прошедшее, настоящее и будущее» в «Вестнике Европы» 1808 г., № 3, февраль, из С.-Петербурга // *Русский вестник.* 1808. № 3. С. 398–407.
11. Глинка (1808j) — *Глинка С. Н.* О богатстве русского языка, отрывок из рассуждения о преимуществе русского языка пред французским, соч. Воейкова // *Русский вестник.* 1808. № 7. С. 65–69.
12. Глинка (1808k) — *Глинка С. Н.* О свойствах русских бояр: боярин Феодор; Ив. Кир. Нарышкин; замечания о боярине Матвееве // *Русский вестник.* 1808. № 9. С. 361–372.
13. Глинка (1808l) — *Глинка С. Н.* Ответ издателя «Русского вестника» на письмо Россиянки (кн. Дашковой) // *Русский вестник.* 1808. № 4. С. 57–76.
14. Глинка (1809) — *Глинка С. Н.* Примерная приверженность и признательность крестьян при кончине благодетельного помещика, кн. П. М. Волконского // *Русский вестник.* 1809. № 2. С. 207–220.
15. Глинка (1811a) — *Глинка С. Н.* Выписка из разговоров о словесности, сочиненных А. С. Шишковым, о русских пословицах, с некоторыми прибавлениями издателя // *Русский вестник.* 1811. № 7. С. 8–43.
16. Глинка (1811b) — *Глинка С. Н.* Догадки и замечания при чтении книги, под заглавием: Нестор, русские летописи, сличенные, переведенные и объясненные Авг. Шлецером // *Русский вестник.* 1811. № 4. С. 26–46; № 9. С. 8–106.
17. Глинка (1811c) — *Глинка С. Н.* Разбор записки министра народного просвещения гр. Разумовского, поднесенной Государю, о воспитании, напечатанной в «Северной Почте» // *Русский вестник.* 1811. № 7. С. 115–135.
18. Глинка (1811d) — *Глинка С. Н.* Священная история в пользу юношества, изданная на французском языке Проньяком: Дух христианских ораторов, или нравственность христианская, из сочинений Боссюэта, Бурдалу, Массильона и пр., издана на французском языке; римская история, изданная на французском языке 1809 г. // *Русский вестник.* 1811. № 8. С. 55–71.
19. Глинка (1812a) — *Глинка С. Н.* Злоумышленность французских военных правил // *Русский вестник.* 1812. № 10. С. 36–46.
20. Глинка (1812b) — *Глинка С. Н.* Крестьянский разговор // *Русский вестник.* 1812. № 10. С. 66–78.
21. Глинка (1812c) — *Глинка С. Н.* Ночные размышления 1 ноября 1812 г. // *Русский вестник.* 1812. № 11. С. 16–26.

22. Глинка (1812d) — *Глинка С.Н.* Опыт о народном нравоучении // Русский вестник. 1812. № 5. С. 1–94; № 6. С. 5–106.
23. Глинка (1812e) — *Глинка С.Н.* Послушный сын // Русский вестник. 1812. № 10. С. 58–62.
24. Глинка (1812f) — *Глинка С.Н.* Речь русского помещика крестьянам своим при отпращивании ратников // Русский вестник. 1812. № 9. С. 85–91.
25. Глинка (1812g) — *Глинка С.Н.* Статьи о семейственном воспитании, или уведомление о книге, издаваемой А. С. Шишковым, под названием «Собрание детских повестей» // Русский вестник. 1812. № 2. С. 90–100.
26. Глинка (1812h) — *Глинка С.Н.* Стихи по случаю известия о нашествии неприятеля // Русский вестник. 1812. № 7. С. 77–89.
27. Глинка (1812i) — *Глинка С.Н.* Стихи русским воинам, по прочтении приказа о выступлении гвардейских полков // Русский вестник. 1812. № 4. С. 96–102.
28. Глинка (1815) — *Глинка С.Н.* Правила русского воспитания, или нравственное рассмотрение духовной князя Владимира Мономаха // Русский вестник. 1815. № 2. С. 3–45.
29. Глинка (2004) — *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004. 464 с.
30. Дмитриев (1869) — *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. 297 с.
31. Колопанов (1889) — *Колопанов Н.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. I. Кн. 2. 443 с.
32. Подписные листы // Русский вестник. 1811. № 11; 1812. № 2; 1813. № 3, 6, 11, 12.

Литература

33. Альтшуллер (2007) — *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. 448 с.
34. Велижев, Лавринович (2003) — *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–204.
35. Киселева (1983) — *Киселева Л.Н.* К языковой позиции «старших архаистов» (С. Н. Глинка, Е. И. Станевич) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1983. Вып. 620. С. 18–29.
36. Лупарева (2012) — *Лупарева Н.Н.* «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. 216 с.
37. Минаков (2002a) — *Минаков А.Ю.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка А. С. Шишкова — первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. С. 239–253.
38. Минаков (2005) — *Минаков А.Ю.* Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: сб. науч. работ. Воронеж, 2005. С. 7–18.
39. Минаков (2002b) — *Минаков А.Ю.* Франкобесие // Родина. 2002. № 8. С. 18–19.
40. Проскурин (2000) — *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. 368 с.

Nadezhda Lupareva. “Glinka’s pen was the first on the Rus’ which began to skirmish with the enemy”³: S. N. Glinka’s “Russian Messenger” on the Eve and in a Time of the War for Fatherland, 1812.

Abstract: the article is devoted to the “Russian Messenger” of Sergey Nikolayevich Glinka. The magazine was created in the period of Napoleonic wars for the purpose of preparing Russian society to political-military and socio-cultural fight with France. Seeing that France and French culture were associated with revolution, “Russian Messenger” made actual the main questions of Russian conservative thought. The magazine advocated authority,

³ Cited by: (Vyazemskiy, 2004, 437–438).

Orthodoxy, patriarchal model of society and Russian national culture. The publisher argued that his contemporaries had to follow the experience of Russian history and illustrated his magazine with the biographies of great political, cultural and religion heroes of national past. Mythologized Russian history must be the center of the national educational system, propagated by Glinka's "Russian Messenger". The publisher believed that the implementation of the system must secure Russian Empire from a revolution. The historic significance of Glinka's magazine consisted in preparing Russian social opinion to the War for Fatherland of 1812 and actualizing the idea of authentic, independent from the West way of Russian development.

Keywords: S. N. Glinka, "Russian Messenger", the War for Fatherland of 1812, conservatism, authority, Orthodoxy, patriarchal model of society, national identity, national educational system.

Nadezhda Nicolaevna Lupareva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socioeconomic Disciplines at Military Educational and Scientific center of Air force "Air academy n.a. N. E. Zhukovski and Y. A. Gagarin" (nlupareva@vmail.ru, nadezhda.lupareva@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. Dmitriyev (1869) – Dmitriyev M. A. Melochi iz zapasa moyei pamiyati [The small details from the reservoirs of my memory]. Moscow, 1869, 297 p. (In Russian).
2. Glinka (1808a) – Glinka S. N. Boyarin Art. Serg. Matveev [Boyar Art. Serg. Matveev]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 2, pp. 121–145. (In Russian).
3. Glinka (1808b) – Glinka S. N. Vstuplenie [Introduction]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 1, pp. 3–10. (In Russian).
4. Glinka (1808c) – Glinka S. N. Zamechaniya na slova odnoy frantsuzskoy printsessy [Commentaries on a speech of one of the French princesses]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 6, pp. 286–290. (In Russian).
5. Glinka (1808d) – Glinka S. N. Imperator Alexandr I, lyubitel' otechestvennoi drevnosti [Emperor Alexander I as an admirer of domestic antiquities]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 6, pp. 261–267. (In Russian).
6. Glinka (1808e) – Glinka S. N. Kratkie vypiski iz Kormchei knigi i zamechaniya na onye [Brief extracts from Nomocanon and commentaries on it]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 8, pp. 189–200. (In Russian).
7. Glinka (1808f) – Glinka S. N. Kuznetskii most, ili vladychestvo mody i roskoshi [Kuznetsky bridge or occupation of fashions and luxuries]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 9, pp. 331–360. (In Russian).
8. Glinka (1808g) – Glinka S. N. Mysli pro sebya [Thoughts silently]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 3, pp. 250–264. (In Russian).
9. Glinka (1808h) – Glinka S. N. Napominanie o Ekaterine II [Remembrancer about Catherine II]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 4, pp. 3–46. (In Russian).
10. Glinka (1808i) – Glinka S. N. Nekotorye zamechaniya na nekotorye stat'i politicheskogo sochineniya g. Shlezera pod nazvaniem: "vzor na proshedshee, nastoyashee i budushee" v "Vesnike Evropy" 1808 g., № 3, fevral', iz S.-Peterburga [Some commentaries on some political articles by m. Schletzer titled: "view on a past, present and future" from "Herald of Europe" 1808, № 3, February]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 3, pp. 398–407. (In Russian).
11. Glinka (1808j) – Glinka S. N. O bogatstve russkogo yazyka, otryvok iz rassuzhdeniya o preimushchestve russkogo yazyka pered frantsuzskim, soch. Voeykova [About Russian language treasures, an extract from reflections about an advantage of Russian language over the French, written by Voeykov]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 7, pp. 65–69. (In Russian).

12. Glinka (1808k) — Glinka S. N. O svoystvakh russkikh boyar: boyarin Feodor; Iv. Kir. Naryshkin; zamechaniya o boyarine Matveeve [About Russian boyars features: boyar Feodor; Iv. Kir. Naryshkin; comments about boyar Matveev]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 9, pp. 361–372. (In Russian).
13. Glinka (1808l) — Glinka S. N. Otvet izdatelya Russkogo vestnika na pis'mo rossiyanki (kn. Dashkovoy) [An answer of Russian Messenger's publisher on a letter of Russian woman (d. Dashkova)]. *Russkiy vestnik*, 1808, no. 4, pp. 57–76. (In Russian).
14. Glinka (1809) — Glinka S. N. Primernaya priverzhennost' i priznatel'nost' krest'yan pri konchine blagodetelnogo pomeshchika, kn. P. M. Volkonskogo [An exemplary peasant's adherence on a death of kind landowner prince P. M. Volkonskiy]. *Russkiy vestnik*, 1809, no. 2, pp. 207–220. (In Russian).
15. Glinka (1811a) — Glinka S. N. Vypiska iz razgovorov o slovesnosti, sochinennykh A. S. Shishkovym, o russkikh poslovitsakh, s nekotorymi pribavleniyami izdatelya [Extract from talks about literature, written by A. S. Shishkov, about Russian proverbs, with some reflections of publisher]. *Russkiy vestnik*, 1811, no. 7, pp. 8–43. (In Russian).
16. Glinka (1811b) — Glinka S. N. Dogadki i zamechaniya pri chtenii knigi pod zaglaviem: Nestor, russkie letopisi, slichennyye, perevedennyye i ob'yasnennyye Avg. Shletserom [Guessworks and commentaries on a book: Nestor, Russian chronicles, compared, translated and explained by Aug. Schletzer]. *Russkiy vestnik*, 1811, no. 4, pp. 26–46; no. 9, pp. 8–106. (In Russian).
17. Glinka (1811c) — Glinka S. N. Razbor zapiski ministra narodnogo prosveshcheniya gr. Razumovskogo, podnesennoy Gosudaryu, o vospitanii, napechatannoy v "Severnoy Pochte" [An analysis of the minister of public education Count Razumovskiy's note about education, represented to Monarch and published in the "Northern Post"]. *Russkiy vestnik*, 1811, no. 7, pp. 115–135. (In Russian).
18. Glinka (1811d) — Glinka S. N. Svyashchennaya istoriya v pol'zu yunoshestva, izdannaya na frantsuzskom yazyke Proniyakom: Dukh khristianskikh oratorov, ili npravstvennost' khristianskaya, iz sochinenii Bossyueta, Burdalu, Massil'ona i pr., izdana na frantsuzskom yazyke; rimskaya istoria, izdannaya na franzuzskom yazyke 1809 g. [The Holy history for youth, published by Proniyak on a French language: The spirit of Christian orators, or Christian morality, from the works of Bossuet, Burdalou, Massillon and oth., published on a French language; the history of Rome, published on a French language in 1809]. *Russkiy vestnik*, 1811, no. 8, pp. 55–71. (In Russian).
19. Glinka (1812a) — Glinka S. N. Zloumyshlennost' frantsuzskikh voennykh pravil [Maliciousness of French war rules]. *Russkiy vestnik*, 1812, № 10, pp. 36–46. (In Russian).
20. Glinka (1812b) — Glinka S. N. Krest'yanskiy razgovor [The peasant's talk]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 10, pp. 66–78. (In Russian).
21. Glinka (1812c) — Glinka S. N. Nochnyye razmyshleniya 1 noyabrya 1812 g. [Night thoughts of 1st November 1812]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 11, pp. 16–26. (In Russian).
22. Glinka (1812d) — Glinka S. N. Opyt o narodnom npravouchenii [An experience of national moral teaching]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 5, pp. 1–94; no. 6, pp. 5–106. (In Russian).
23. Glinka (1812e) — Glinka S. N. Poslushnyi syn [Obedient son]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 10, pp. 58–62. (In Russian).
24. Glinka (1812f) — Glinka S. N. Rech' russkogo pomeshchika krest'yanam svoim pri otpravlenii ratnikov [The speech of a Russian landowner to his peasants before warrior's departure]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 9, pp. 85–91. (In Russian).
25. Glinka (1812g) — Glinka S. N. Stat'i o semeiyistvennom vospitanii, ili uvedomlenie o knige, izdavaemoi A. S. Shishkovym, pod nazvaniem "Sobraniye detskikh povestei" [The articles about a family education, or announcement of a book, published by A. S. Shishkov titled "The collection of childhood novels"]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 2, pp. 90–100. (In Russian).
26. Glinka (1812h) — Glinka S. N. Stikhi po sluchayu izvestiya o nashestvii nepriyatela [The verse on a news about enemy invasion]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 7, pp. 77–89. (In Russian).
27. Glinka (1812i) — Glinka S. N. Stikhi russkim voynom, po prochtenii prikaza o vystuplenii gvardeiskikh polkov [The verse to Russian warriors after reading an order on a departure of the guard regiments]. *Russkiy vestnik*, 1812, no. 4, pp. 96–102. (In Russian).
28. Glinka (1815) — Glinka S. N. Pravila russkogo vospitaniya, ili npravstvennoe rassmotrenie dukhovnoi knyazyza Vladimira Monomakha [The rules of Russian education, or moral consideration on a bequeathal of a duke Vladimir Monomach]. *Russkiy vestnik*, 1815, no. 2, pp. 3–45. (In Russian).

29. Glinka (2004) — Glinka S. N. Zapiski [Memoir]. Moscow, 2004, 464 p. (In Russian).
30. Kolyupanov (1889) — Kolyupanov N. Biographiya A. I. Kosheleva [The biography of A. I. Koshelev]. Moscow, 1889, vol. 1, b. 2, 443 p. (In Russian).
31. Podpisnye listy [Subscription lists]. *Russkiy vestnik*, 1811, no. 11; 1812, no. 2; 1813, no. 3, 6, 11, 12. (In Russian).
32. Vyazemskiy (2004) — Vyazemskiy P. A. Sergey Nikolayevich Glinka. Glinka S. N. Zapiski [Memoir]. Moscow, 2004, pp. 435–446. (In Russian).

References

33. Altshuller (2007) — Altshuller M. G. *Beseda lyubitelei russkogo slova: U istokov russkogo slaviyanofil'stva* [The conference of the admirers of Russian word: at the origins of Russian Slavophilism]. Moscow, 2007, 448 p. (In Russian).
34. Velizhev, Lavrinovich (2003) — Velizhev M, Lavrinovich M. “Susaninskiy mif”: stanovleniye kanona [“Susanin’s myth”: the establishment of the canon]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2003, no. 63, pp. 186–204. (In Russian).
35. Kiseleva (1983) — Kiseleva L. N. K yazykovoi pozitsii “starshikh arkhaitov” (S. N. Glinka, E. I. Stanevich) [About linguistic views of the “senior archaists” (S. N. Glinka, E. I. Stanevich)]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta*, 1983, is. 620, pp. 18–29. (In Russian).
36. Lupareva (2012) — Lupareva N. N. “Otechestvoljubets”: obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady Sergeya Nicolaevicha Glinki [“The admirer of Fatherland”: socio-political activity and view of Sergey Nikolayevich Glinka]. Voronezh, 2012, 216 p. (In Russian).
37. Minakov (2002a) — Minakov A. Yu. Rassuzhdenie o starom i novom sloge A. S. Shishkova — pervyi manifest russkogo konservativnogo natsionalizma [The reflection about an old style and a new one by A. S. Shishkov — the first manifest of Russian conservative nationalism]. *Problem etnicheskoi istorii Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-vostochnoi Evropy v novoe i noveishee vremya* [The problems of ethnic history of Central, Eastern and South-eastern Europe in new and modern times]. Voronezh, 2002, pp. 239–253. (In Russian).
38. Minakov (2005) — Minakov A. Yu. Rol' sobytiy 1812 goda v stanovlenii russkogo konservatizma [The role of events of 1812 year in emergence of Russian conservatism]. *Konservatizm v Rossii i Zapadnoi Evrope: sb. nauch. rabot* [The conservatism of Russia and Western Europe: collection of scientific works]. Voronezh, 2005, pp. 7–18. (In Russian).
39. Minakov (2005) — Minakov A. Yu. Frankobesie [Francolatry]. *Rodina*, 2002, no. 8, pp. 18–19. (In Russian).
40. Proskurin (2000) — Proskurin O. *Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi* [The literary scandals of Pushkin epoch]. Moscow, 2000, 368 p. (In Russian).